

ДУХ ИНТЕРВЕНЦИИ

Богословы утверждают, что на Страшном Суде будут судить не поступки, а побуждения. Не касаясь вопроса, насколько это предсказание правильно, скажу только, что оно ничуть не возмущает моей совести, совсем напротив, я испытываю некое удовлетворение, даже радость, несмотря на то, что вникание в побуждения, может быть, куда опаснее формального установления фактов и определения состава преступлений.

В настоящее время иностранная интервенция в русские дела невозможна, — поскольку речь идет не о самозащите от исходящих из Москвы эманаций, а о решительных хирургических операциях. Но — кто знает? — не станет-ли она возможной через пять, через десять лет? И не окажется-ли она неизбежной, если Москва сама встанет на путь наступления?

— Может быть именно в предчувствии или в чаянии этого, дух интервенции еще так силен в эмиграции, а может быть и в самой России имеются единицы, лелеющие мысль об иностранном вмешательстве. В первые годы беженства идея интервенции упорно дебатировалась на многих собраниях, и, можно сказать, открыто культивировалась. Некоторые же газеты неустанно взывали к общественному иностранному мнению и к иностранным правительствам, домогаясь реального, даже вооруженного вмешательства.

Теперь это занятие вышло из моды, но это не значит, что дух интервенции уже угас.

Нужны доказательства?

Одна из наиболее веских эмигрантских организаций в своих бюллетенях, печатаемых на иностранных языках, из кожи лезет, чтобы убедить иностранцев в военном характере пятилетки. Восстанавливая и развивая промышленность и загоняя крестьянство в колхозы, большевики-де имеют в виду войну. Все их заводы и железные дороги строятся таким образом,

чтобы их легко было обратить к удовлетворению военных нужд. — Но разве не в интересах «пушкарского и корабельного дела» возникли первые промышленные предприятия в России, разве не на казну работала до революции тяжелая промышленность, не военными и морскими заказами жила металлическая промышленность, не железным дорогам поставляли свои произведения металлургические заводы и каменно-угольные рудники? Тогда все это приветствовалось, почему-же теперь тоже самое представляется преступным?

Тогда это было за наше дело, теперь-же... против иностранцев, — тех, кто будет эвентуально осуществлять интервенцию, значит, и против нас, если мы с иностранцами. Ясно, кто рассуждает подобно авторам бюллетеней, тот за интервенцию. Идея интервенции еще жива, мало того, она для многих — сознательно или нет — является руководящей в их суждениях, о современной России.

Но откуда возникла эта идея и что питает этот дух? К идеи интервенции люди приходили в годы смуты, приходят и ныне разными путями. Вспомним германское наступление на юге России. Украинские самостийники, забыв о достоинстве представляемого ими течения, сами зазывали немцев — их идеи, не пользовавшиеся популярностью в народе, не могли найти своего утверждения иначе, как при помощи немецких штыков. Земледельцы юга России, часто люди русской культуры, с протянутыми руками встречали немцев, возвращавших им их поместья. Обезумевшая от ужасов военного коммунизма буржуазная масса приветствовала своих врагов-немцев также, как и союзников — греков, марокканцев и французов: те и другие избавляли ее от смерти, поругания и ограбления.

Те-же тенденции наблюдаются и в эмиграции. Для самостийников-сепаратистов удар извне, конечно, больше обещает, чем внутреннее преодоление коммунизма. Если-бы он и был преодолен изнутри, то едва-ли можно ожидать возвращения земель и заводов бывшим собственникам, а потому в интервенции для них единственная возможность восстановить свое привилегированное положение; поскольку последнее для них дороже свободы России, постолько они стоят за интервенцию. Наконец, воспоминания о претерпенных до бегства ужасах ныне

превратилось у многих в жажду мести, а безнаказанно мстить своему народу — можно лишь через иностранцев.

Все вышеперечисленные возбудители интервенционных вожделий просты и грубы; сложнее и тоньше те из них, что возникают из запросов национально-культурного порядка.

Для некоторых русская культура (дореволюционная культура), — часть их души. Большевики у них отняли все, разбили их жизнь, выгнали за границу — больно, но примириться можно, — а вот никак нельзя примириться с тем, что нанесен смертельный удар «нашей» культуре. Чтобы вернуть ее к жизни, — нужно вернуть старый порядок; я говорю не о формах, а об его сущности; нужно еще вернуть насыщавшие весь старый порядок «прекраснодушные стремления», что были так типичны для дореволюционной культуры.

Ко всему этому ныне данных нет — вот мысль и хватается за интервенцию: ведь только иностранцы и могут установить порядок вопреки исторической логике. Нужно-ли говорить, что русская культура под защиту иностранных штыков — бессмыслица; но нужно понять и безысходность положения тех, для кого прежняя культура — некая органическая часть их разумной сущности.

Европейские революции XVIII-XX веков были революциями политическими и социальными, отклонявшими культурное русло, но не вызывавшими все-же разрыва в течении культурной жизни. Русская-же революция смела «русскую» культуру и, я-бы сказал, что это самое ужасное из ее последствий, если-бы иногда это не казалось не последствием, а самою ее сущностью — революции. Чтобы понять всю безнадежность «нашей» культуры, нужно вспомнить, что она принадлежала не миллионам царских подданных, а только верхушке, не сливавшейся как в других странах, с народными массами. Она питалась народными соками, но народ не вкушал ее плодов. В культурном отношении — да и только-ли в культурном? (может быть и в антропологическом смысле) — в России было две нации; одна — народная, другая — правящая; можно сказать, оккупационная.

Первая в процессе революции разбила последнюю, разбросав ее осколки по всему свету, раздавив ее остатки в самой России.

Этот слой исчез навсегда, а с ним и «наша» культура. Будет преодолен коммунизм изнутри, культура польется новым руслом. В потоке будет много капель из старого истока, но можно-ли их распознать? Выбора нет: либо присоединиться к потоку, вливая в него свою личность — и в этом случае, чем скорее, тем лучше, — либо, стоя в стороне, охранять в себе привезенное с родины, пока глаза не закроются, хотя и зная, что преемников, которым можно было бы передать на дальнейшее хранение сокровище — нет.

Мотивы национально-культурного характера оказываются мало жизненно-убедительными, а на всех остальных лежит печать корысти, чтобы не сказать низости. Содействие или сочувствие интервенции антипатриотичны. К тому-же надо помнить, что всякая интервенция была-бы осуществляема за счет России и в ущерб ее историческим целям. Грустно взирать на будущее старой Европы, зажатой между цветущей Америкой и строящейся Россней! Недаром недавно Кайо высказал мысль, что западному капитализму страшиться надо не коммунизма, а экономического подъема России, и что в интересах Европы надо затормозить развивающееся там строительство.

Итти с интервентами — итти против России!

Брюссель.

О. Сарматов.